

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Глава 1

СТРОИТЕЛЬСТВО АВТОРИТАРИЗМА	15
--	-----------

О чем будем говорить: принципы и подходы	20
Демократия имеет значение... Но какое?	33
Российская политическая динамика: 1991–2021	43

Глава 2

РОССИЙСКИЙ ТУПИК	53
-------------------------------	-----------

Российская политическая диагностика: наследственность, травма или отравление?	56
«Пессимисты»: страна, непригодная для демократии?	58
«Оптимисты»: в ожидании устойчивого роста	63
«Реалисты»: кому выгодно?	69
Механизмы демократизации	72
Демократизация: почему у России не получилось?	82
Российская политика: путь в тупик	91

Глава 3

1990-е: «ДИЛЕММА ОДНОВРЕМЕННОСТИ»	105
--	------------

Посткоммунистический вызов и российский ответ	108
Ельцин против парламента: первая кровь	122
Борис Ельцин и другие: от «загогулин» к «загогулинам» ...	133
«Война за ельцинское наследие», часть 1	142
«Война за ельцинское наследие», часть 2	148
Предварительные итоги 1990-х	156

Глава 4

2000-е: ЭТАЖИ «ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ» 161

«Предложение, от которого невозможно отказаться» 164

От конкуренции к иерархии 185

Операция «преемник»: возможности и риски 206

Глава 5

2010-е: АВТОРИТАРНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ 223

«За честные выборы»:

трудное возрождение оппозиции 230

Политика страха:

репрессии как инструмент господства 249

Страх и ненависть в России:

«порочный круг» репрессий? 256

«Зацементировать» Россию 269

Глава 6

ДОЛГИЙ ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ 281

Персоналистская автократия:

идеи, интересы и институты 284

В поисках альтернатив:

снова об «оптимистах», «пессимистах» и «реалистах» 298

Пути из тупика:

что нам известно и что неизвестно 310

Вместо заключения.

Будет ли Россия свободной? 329

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приятным солнечным днем лета 1990 года я сидел в приемной Мариинского дворца в Ленинграде. Я был 24-летним активистом демократического движения, которое незадолго до этого одержало победу на выборах в городской совет. Вскоре я получил два очень разных предложения о трудоустройстве от двух различных групп моих знакомых. Одной из них была команда социологов, которые исследовали социальные и политические изменения в городе и в стране. Они пригласили меня присоединиться к их группе, утверждая, что мои инсайдерские знания о новых общественных движениях дадут хороший старт успешной профессиональной карьеры, связанной с изучением политических и общественных процессов. Другая группа включала ряд новых депутатов, которые были заняты реформированием органов власти в городе и были уверены, что мой опыт участия в выборных кампаниях и репутация активиста помогут улучшить довольно хаотичный процесс принятия решений.

Мне предстоял непростой выбор между должностью младшего научного сотрудника в Институте социологии Академии наук и должностью среднего уровня в формировавшемся тогда аппарате городского совета. Второй вариант казался более привлекательным, и после ряда бесед я пришел на интервью с председателем совета Анатолием Собчаком. Профессор права, избранный на Съезд народных депутатов СССР в 1989 году, он приобрел огромную популярность как яркий оратор и жесткий критик советской системы. Через

год, после того как он получил место депутата в ходе довыборов, депутаты Ленсовета пригласили его занять пост председателя совета. Как это часто бывало, Собчак опаздывал, и, ожидая его прихода, я беседовал в приемной с секретарем Димой — симпатичным, улыбчивым и разговорчивым молодым человеком моего возраста.

Наконец Собчак прибыл, и мы прошли в его огромный роскошный кабинет. Ни о чем меня не спрашивая и даже, кажется, совсем не замечая моего присутствия, мой потенциальный босс начал длинную и страстную речь, как если бы он выступал перед сотнями слушателей, хотя кроме нас в кабинете никого не было. Думаю, он использовал эту возможность как тренировку перед одним из публичных выступлений, которые в то время принесли ему всесоюзную славу. Речь Собчака была полна яркой риторики, но довольно пуста по содержанию: он ругал прежнюю систему, критиковал текущую нестабильность и обещал, что город будет процветать под его руководством. После казавшегося бесконечным монолога он сделал паузу, и я смог задать вопрос, казавшийся мне ключевым для моей будущей работы: «Анатолий Александрович, а как Вы видите систему власти в городе, которую Вы хотите создать?»

Собчак наконец повернулся ко мне, словно спустившись с небес на землю, и сменил тон речи на более откровенный: «У нас очень много депутатов городского совета, они шумные и плохо организованные: они должны в основном работать в округах, вести прием граждан и отвечать на жалобы населения. У нас есть горисполком: он должен заниматься городским хозяйством, дорогами, озеленением, протечками, но не выходить за эти пределы. А я (широкий взгляд вокруг кабинета) с помощью моего аппарата (пристальный взгляд на меня) буду проводить политику в городе». Я был шокирован, услышав столь циничные суждения от человека, который в глазах многих людей воспринимался как символ

демократии. «Но ведь это почти то же самое, что было при коммунистах... а как же демократия?»

Собчак, вероятно, был очень удивлен тем, что тот, кто, предположительно, мог стать членом его формирующейся «команды», задал ему столь наивный вопрос. Он ответил мне четко, с той интонацией, с какой университетские профессора порой сообщают первокурсникам прописные истины: «Мы теперь у власти — это и есть демократия». Это высказывание меня потрясло. Большие надежды на новую демократическую политику разом рухнули. Я не мог и не хотел стать маленьким винтиком в нарождавшейся политической машине. Я повернулся спиной к Собчаку и, даже не попрощавшись, покинул кабинет. Затем я направился пешком в Институт социологии: буквально ушел в мир науки из мира политики.

Это был поворотный пункт моей профессиональной карьеры. К сожалению, у меня не было возможности получить формальное образование в сфере политических наук. Несмотря на это (или благодаря этому?), позднее я стал профессором политологии в двух университетах двух разных стран. Но уроки, которые я получил много лет назад в кабинете Собчака, оказались для меня не менее важны, чем многие учебники по нормативной политической теории. Я понял, что главная цель политиков — это максимизация власти. Иными словами, они стремятся находиться у власти с помощью любых средств так долго, как это возможно, и иметь столько власти, сколько возможно. Это стремление порой не зависит от их демократической риторики и публичного имиджа. В этом и состоит суть политики. Но одним политикам удастся достичь этой цели, а другие не настолько успешны. Поэтому в одних случаях мы наблюдаем диктатуры разного типа (от режима Мобуту в Заире до Лукашенко в Беларуси), а в других — вариации иных политических режимов (отнюдь не всегда демократических).

На деле Собчак достичь своих целей и максимизировать власть в Ленинграде (после 1991 года — Санкт-Петербурге) не смог. Спустя шесть лет, в 1996 году он, будучи действующим мэром города, в ходе жесткой борьбы на выборах уступил с небольшой разницей голосов своему заместителю Владимиру Яковлеву. Другой заместитель Собчака, Владимир Путин, тоже кое-чему научился у своего руководителя и использовал его уроки в своей карьере политика. Но эти уроки отличались от моих так же, как политика отличается от политической науки. Путин, как минимум до настоящего времени, смог максимизировать власть в качестве президента и премьер-министра России, хотя сегодня он сталкивается с нарастающими вызовами. И секретарь Дима, которого я встретил в тот памятный день, тоже извлек для себя уроки. Дмитрий Медведев также занимал посты президента и премьер-министра России. Да, он по-прежнему симпатичный, улыбчивый и разговорчивый человек. Но в известном смысле он так и остался секретарем в приемной.

Эта книга — о том, почему и как после падения коммунистического господства в России сформировался и укоренился новый авторитарный режим и каковы его механизмы управления. За последние три десятилетия в политической жизни России многое изменилось. Ее атрибутами сегодня стали нечестные и фальсифицированные голосования взамен конкурентных выборов; подверженные политической цензуре (а часто и самоцензуре) СМИ; манипулируемые партии и парламенты, штампующие спущенные им «сверху» решения; зависимые и глубоко пристрастные суды; произвол государства в управлении экономикой; повсеместная коррупция; усиливающиеся репрессии со стороны властей в отношении своих оппонентов. Эти тенденции нашли свое отражение в многочисленных критических оценках международных и отечественных специалистов, которые, опираясь на разные

методики анализа, характеризуют современную Россию как глубоко недемократическую страну¹.

Вряд ли в начале 1990-х годов кто-либо из участников тогдашних политических процессов в России ожидал такого развития событий. Но было бы неверно ограничиться лишь констатацией того, что «большие надежды» недавнего прошлого нашей страны обернулись разочарованиями в ее политическом настоящем и глубокими сомнениями в ее будущем. Эта книга призвана дать ответы на вопросы о логике политических процессов в нашей стране, о том, «как мы дошли до жизни такой» и почему три десятилетия после распада СССР не приблизили, а отдалили нашу страну от политической свободы. Какие причины обусловили траекторию политического развития России и скорое «бегство от свободы» страны, недавно избавившейся от коммунистического режима? Есть ли шансы на то, что Россия сможет преодолеть нынешние политические тенденции и выйти на путь свободы и демократии? Или этот путь закрыт для нее если не навсегда, то на долгие десятилетия? Я полагаю, что поиск ответов на эти вопросы важен для российских граждан, которым не безразлично, что происходит в политической жизни нашей страны. Тем более он важен для участников политических процессов в России.

Эта книга не академическое исследование, но и не публицистика. Хотя она основана на научной работе, которой я занимаюсь много лет², и использует материалы исследований

¹ В частности, характеристики политических режимов различных государств анализируются в рамках программы Всемирного банка Worldwide Governance Indicators (Voice and Accountability Index), Института V-Dem (Университет Гетеборга), Freedom House, Polity IV и других проектов.

² При подготовке этой книги использованы материалы моих предыдущих работ, прежде всего, книги: Гельман В. Из огня да в полымя: Российская политика после СССР. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013; а также книг: Гельман В. «Недостойное правление»: Политика в современной России. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019; Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet

многих специалистов, но адресована широкой российской (и не только) аудитории, интересующейся политическими процессами в нашей и других странах. Такой ракурс обусловил стиль изложения этой книги: я стараюсь объяснить используемые в ней термины доступным языком, не впадая при этом ни в глубокие исторические экскурсы со времен допетровской Руси, ни в рассуждения о специфике нашей страны в духе «умом Россию не понять»³.

Понимать Россию умом можно и нужно — проблема в том, как это грамотно сделать. Мой подход опирается на несколько важных принципов. Первый из них — это позитивные, а не нормативные рамки анализа. Иначе говоря, *я стремлюсь анализировать российскую политику не в свете того, «как должно/не должно быть», не исходя из представлений о должном, а в свете того, «как на самом деле» развиваются политические процессы, и каковы их причины и следствия.*

Второй принцип — это включение анализа современной российской политики в теоретический и сравнительный контекст политической науки, которая накопила немалый опыт изучения недемократических политических режимов⁴. При всех особенностях политического развития отдельных стран (Россия здесь не исключение) в мире политики существуют общие закономерности. Их знание часто (хотя и не всегда) позволяет дать обоснованные оценки тенденций и выявить перспективы. В этом плане политическая диагностика отчасти сродни диагностике медицинской: знания о причинах

Regime Changes, Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015, и ряда академических и публицистических статей.

³ Критику этих подходов см.: Травин Д. Особый путь России: от Достоевского до Кончаловского. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

⁴ Краткий, но емкий обзор представлен в книге: Голосов Г. Авторитария, или одиночество власти. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

и симптомах болезней других пациентов могут помочь более эффективному лечению (медицинские метафоры встретятся еще не раз на страницах этой книги).

Третий принцип — это принцип рационального выбора⁵. Я исхожу из того, что *все участники политического процесса — политики, чиновники, бизнесмены, да и обычные граждане — стремятся в политике к максимизации своих выгод и минимизации издержек. Но они часто не могут достичь своих целей из-за того, что обладают не вполне достоверной информацией или воспринимают ее не самым эффективным для себя способом, находясь в плену ошибочных представлений.*

Наконец, четвертый принцип — это отказ от детерминизма, то есть от суждений о заведомой заданности и предопределенности политических процессов. Если Россия ранее никогда не была настоящей демократией, то это не значит, что она не может ею стать. Я полагаю, что мир в целом и мир политики в частности таков, каким делают его те люди, которые принимают (или не принимают) участие в политике. Развитие политических процессов в том или ином направлении становится результатом тех действий, которые предпринимают люди (хотя часто последствия этих действий оказываются непредвиденными).

Эта книга устроена следующим образом. В первой главе речь пойдет об основных понятиях и общих подходах. Мы обсудим, что представляют собой политические режимы, в том числе демократия и авторитаризм, почему происходит смена политических режимов, включая переходы к авторитаризму, и как на этом фоне развивались процессы посткоммунистической трансформации в России. В следующей главе я представлю свой взгляд на то, почему у России не полу-

⁵ Подробный обзор см.: Мюллер Д. Общественный выбор III. — М.: ГУ-ВШЭ, Институт «Экономическая школа», 2007.

чилось стать демократией после распада СССР, что именно (и почему) пошло не так, как хотелось многим политикам и гражданам в начале 1990-х годов. Три дальнейшие главы будут посвящены углубленному анализу политических процессов в России на протяжении каждого из трех постсоветских десятилетий — 1990-х, 2000-х и 2010-х годов, начиная от распада СССР и завершая «общероссийским голосованием» по поправкам в Конституцию, состоявшимся летом 2020 года. Наконец, в заключительной, шестой, главе мы подведем итоги политического развития России за последние три десятилетия, обсудим возможности и ограничения дальнейшей политической эволюции нашей страны.

Книга называется «Авторитарная Россия». Это название отнюдь не означает, что наша страна обречена на авторитаризм навсегда — я не разделяю этот пессимизм, зная, что за последние десятилетия демократиями стали многие прежде авторитарные страны. Это название — парафраз названия другой книги, которая вышла в далеком 1973 году⁶. Она называлась *Authoritarian Brazil*, и на ее страницах коллектив авторов (среди которых был и будущий президент Бразилии Фернанду Энрике Кардозу) обсуждал причины и механизмы авторитарного господства в этой стране. Спустя год после ее выхода в Бразилии начался долгий и драматичный процесс демократизации, а через шестнадцать лет, в 1989 году вышла новая книга с участием тех же авторов, посвященная анализу процессов бразильских демократических преобразований. На контрасте с предыдущей книгой она называлась *Democratizing Brazil*⁷. Я очень надеюсь, что однажды увидит свет и книга под названием «Демократизирующаяся Россия»: мне хотелось бы стать ее автором.

⁶ Stepan A. (ed.) *Authoritarian Brazil: Origins, Policies, and Future*. New Haven: Yale University Press, 1973.

⁷ Stepan A. (ed.) *Democratizing Brazil: Problems of Transition and Consolidation*. New York: Oxford University Press, 1989.

Эта книга стала результатом моей работы в Европейском университете в Санкт-Петербурге и в Университете Хельсинки. Я благодарен коллегам в России и Финляндии, сотрудничество с которыми на протяжении многих лет — наши дискуссии и совместные обсуждения — стали важной частью подготовки книги. Большое спасибо, прежде всего, Вадиму Волкову, Григорию Голосову, Борису Колоницкому, Ивану Курилле, Элле Панеях, Борису Фирсову и Олегу Хархордину в Санкт-Петербурге, Ристо Алапуру, Маркку Кивинену, Маркку Кангаспуру, Маркку Лонкила, Юсси Лассила, Каталин Миклоши и Марине Хмельницкой в Хельсинки. Мои соавторы Хилари Аппель, Маргарита Завадская, Андрей Заостровцев, Андрей Стародубцев и Дмитрий Травин весьма существенно обогатили работу своим интеллектуальным вкладом. Бывшие и нынешние студенты и аспиранты, ныне ставшие успешными исследователями — Алексей Гилев, Кирилл Калинин, Егор Лазарев, Анна Тарасенко, Татьяна Ткачева, Андрей Щербак, Геннадий Яковлев и другие, — стимулировали меня к поиску новых идей.

Ранние версии отдельных глав и разделов книги выходили в научных журналах и издательствах, публиковались в формате колонок в интернет-изданиях, и я благодарен всем тем, кто причастен к их появлению на свет. Отдельное спасибо Анне Гасановой, Анне Корхонен и Татьяне Хрулевой за бесценную организационную помощь. Первые читатели рукописи книги — Сергей Ким, Алексей Победоносцев, Дмитрий Травин и Антон Шириков — внесли важный вклад на заключительном этапе работы над ней. Эта книга никогда не появилась бы на свет без Марины Красавиной, убедившей меня подготовить и выпустить ее в издательстве «Альпина Паблишер», сотрудникам которого я также бесконечно благодарен. Внимательная и дружелюбная редактура Бориса Грозовского заметно улучшила качество текста. Я не смогу назвать всех коллег из разных городов и стран, чьи вопросы,

советы, замечания и комментарии помогли мне при подготовке этой книги, но все же особо благодарю Ирину Бусыгину, Александра Либмана, Кирилла Рогова, Константина Сони́на, Реджину Смит, Генри Хейла и Гульназ Шарафутдинову. Наконец, моя жена Оксана много лет оказывает самую значимую и неоценимую поддержку, и я остаюсь в неоплатном долгу перед ней.

Нет нужды говорить, что никто из указанных лиц и организаций не несет ответственности за возможные ошибки и неточности в этой книге: вся ответственность за неверные суждения, ошибки и интерпретации лежит исключительно на мне.

Санкт-Петербург — Хельсинки, февраль 2021 года

ГЛАВА 1

СТРОИТЕЛЬСТВО АВТОРИТАРИЗМА

Представим себе, что образованный и весьма интересующийся политикой москвич или петербуржец в конце августа 1991 года погрузился в летаргический сон, с тем чтобы проснуться почти через тридцать лет, в начале 2021 года. Скорее всего, придя в себя и сильно удивившись многочисленным переменам, произошедшим в повседневной жизни (от повсеместного использования мобильных телефонов и обилия импортных автомобилей до наполненных разнообразными товарами супермаркетов), он не сразу смог бы даже узнать страну, сильно изменившую свои границы и название. На смену масштабному экономическому кризису, который поразил СССР в начале 1990-х, к началу 2020-х годов (до поразившей мир пандемии коронавируса) в Россию пришел рост экономики, пусть и не сильно впечатляющий. Обилие этнополитических конфликтов и неконтролируемого криминального насилия на территории тогдашнего СССР сменилось относительной стабильностью ситуации в России. Да и в политическом плане, на первый взгляд, Россия осуществила немалый прогресс по сравнению с СССР.

В начале 2020-х годов Россию возглавляет президент, избранный на всеобщих прямых выборах с участием восьми кандидатов; всеобщим голосованием избираются и главы исполнительной власти в большинстве регионов страны. В стране официально действуют свыше 40 партий, четыре из которых представлены в нижней палате парламента. Доступ к политически значимой информации несоизмеримо шире, чем в последние годы СССР: как с точки зрения набора каналов информации, так и с точки зрения их содержания. Наш герой мог бы без особого труда пользоваться рядом гражданских свобод, провозглашенных еще в конце советского периода российской истории (таких, как свобода передвижения). Если бы он сам и его близкие не принадлежали к определенным религиозным или сексуальным меньшинствам, то, вполне вероятно, он мог бы решить, что ситуация с правами человека в России вполне благополучна. Скорее всего, проснувшись, наш герой даже согласился бы с мнением тех американских специалистов, которые утверждали в 2000-е годы, что Россия вполне может служить примером «нормальной», более-менее демократической страны, преодолевающей со временем многочисленные болезненные патологии своего развития, унаследованные от советского прошлого¹.

Однако после более пристального и внимательного анализа от взгляда нашего наблюдателя не укрылись бы многочисленные фундаментальные дефекты российского политического режима, формальных и неформальных «правил игры», лежащих в его основании. Он наверняка заметил бы несвободные и несправедливые выборы, сопровождающиеся различными манипуляциями (от отказа в участии ряду кандидатов

¹ См.: Shleifer A., Treisman D. A Normal Country // Foreign Affairs, 2004, vol. 83, №2. P. 20–38 (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=460920).

до откровенных фальсификаций); ставшие рутинной нормой произвол и злоупотребления в использовании государством своих рычагов контроля над компаниями и некоммерческими организациями; репрессии в отношении реальных и воображаемых политических оппонентов властей на фоне провоцируемой ими ненависти к инакомыслию; приближающуюся к нулевой автономии партий, парламентов и судов; многочисленные гонения на независимые медиа; наконец, его взгляд оценил бы очень низкое качество государственного управления в России, особенно в сферах верховенства права, контроля коррупции и качества государственного регулирования². Первоначальный оптимизм нашего героя, вероятно, сменился бы скепсисом и заставил бы его сделать вывод: за внешним «фасадом», казалось бы, успешного преодоления трудностей посткоммунистического переходного периода скрываются глубокие изъяны политического устройства России.

В августе 1991 года в результате провала путча, организованного частью тогдашних руководителей советского государства, к власти в России пришли выступавшие под лозунгами свободы и демократии новые политические силы во главе с всенародно избранным президентом Борисом Ельциным. Это событие стало логическим завершением процесса демократизации в СССР. Лидеры путчистов были арестованы, коммунистический режим рухнул, правящая партия, монополизировавшая власть на протяжении семи с лишним десятилетий, оказалась сметена с политической арены, как и многие заметные публичные фигуры прежней поры. Старый политический порядок ушел в прошлое, открывая путь к политической свободе.

Казалось, популярный тезис американского политолога Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» и предстоящем все-

² Подробнее об этом см.: Гельман В. «Недостойное правление».

общем торжестве демократии в мире³ нашел в России тех дней свое безусловное воплощение. *Но открытый путь к свободе не оказался прямой и ровной автострадой. Вступив было на него, Россия на протяжении трех десятилетий то плутала по бездорожью, то сваливалась в кюветы, то наезжала на других водителей и пешеходов, то стремилась во что бы то ни стало вернуться назад в воображаемое прошлое. За три десятилетия наша страна не только не приблизилась к демократии, но и сильно отдалилась от ее идеалов, которые многим казались почти достигнутыми в августе 1991 года.*

Немногие участники тогдашних событий могли предвидеть такую траекторию политического развития России. Пережив серию драматических турбулентных событий в 1990-е годы, наша страна обрела некоторые черты стабильности в 2000-е, а в 2010-е и 2020-е годы столкнулась с новыми вызовами и противоречиями, реакция на которые со стороны Кремля была призвана если не полностью предотвратить, то максимально замедлить перемены. В результате нынешнее политическое устройство России сегодня довольно сильно отличается как от политического режима советской эпохи, так и от устойчивых демократий. Противоречивость политических процессов в России отражена и в многочисленных критических оценках международных и отечественных агентств и экспертов, которые, используя различные термины и опираясь на разные методики анализа, сходятся в характеристике сегодняшней российской политики как глубоко недемократической.

Слишком многие общественные ожидания августа 1991 года не воплотились в жизнь. Это дает поводы не только с горечью констатировать, что «большие надежды» относительно

³ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.

недавнего российского прошлого обернулись горькими разочарованиями в политическом настоящем нашей страны и глубокими сомнениями относительно ее будущего. Такое сопоставление ставит и вопросы о логике политических процессов в России последних десятилетий. Почему у России (в отличие от ряда других посткоммунистических стран, будь то Чехия, Эстония, Украина или Монголия) не получилось стать демократией на протяжении последних трех десятилетий? Какие причины обусловили траекторию политического развития России после распада СССР? Как мы дошли до жизни такой? И есть ли шансы, что Россия в обозримом будущем сможет преодолеть нынешние политические тенденции и выйти на путь свободы и демократии, или этот путь закрыт для нее если не навсегда, то на долгие десятилетия?

Поиск ответов на эти вопросы важен для тех российских граждан, которым не безразлично, что происходит в политической жизни их страны. Он важен и для аналитиков и наблюдателей происходящих в России политических процессов, и для тех, кто пытается осмыслить политические процессы в других странах и регионах мира, в том числе там, где отмечаются отчасти схожие антидемократические тенденции. Поиск ответов значим для нас всех и как часть общественной дискуссии, и как предмет научной работы специалистов-политологов.

Ответы не могут быть однозначными и единственно правильными — изучение мира политики (не только в России) предполагает наличие разных конкурирующих друг с другом точек зрения. В этой книге я даю свои варианты ответов на некоторые из поставленных мною вопросов. Они опираются на мой профессиональный опыт научных исследований российской политики в теоретической и сравнительной перспективе на протяжении четверти века, а также на исследования и разработки многих отечественных и зарубежных специалистов. В первой главе книги мы прежде всего раз-

беремся с ключевыми понятиями и подходами, на которые будет опираться дальнейший анализ. Затем выделим основные характеристики российского политического режима, обсудим важнейшие параметры его эволюции в 1991–2021 годах и представим логику политических изменений в России, которые будут детально обсуждаться в последующих главах.

О ЧЕМ БУДЕМ ГОВОРИТЬ: ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ

Прежде чем начать обсуждение проблем современной российской политики, нам необходимо договориться о принципах и подходах, задающих всю систему координат этой книги и логику представленного в ней анализа. Я имею в виду не только и не столько теоретические постулаты, сколько рабочие понятия и определения. Они позволяют понять, какое конкретно содержание стоит за терминами, которые используются на страницах этой книги (авторы других книг могут вкладывать в те же понятия иные смыслы, и поэтому прийти к иным выводам).

Поскольку в дискуссиях о политике непонимание часто возникает из-за различия в понятиях, которыми пользуются участники дискуссий, для начала следует определиться с тем, что есть политика. В русском языке, в отличие от английского, это слово обычно используется в двух разных значениях: как деятельность, связанная с борьбой за власть (в английском — *politics*), и как набор действий, которые осуществляются в различных сферах управления — например, социальная, внешняя, образовательная политика (в английском — *policy*). В этой книге мы будем говорить о политике как о борьбе за достижение, осуществление и удержание власти (*politics*). Все то, что имеется в виду под словом *policy*, мы будем называть «политическим курсом».

Такое определение влечет за собой следующий вопрос: что такое власть, кто и как ее осуществляет и с какими целями? Обсуждение этих вопросов может увести нас слишком далеко от основного сюжета, поэтому мы воспользуемся популярным определением, которое дал известный политолог Роберт Даль: «*А обладает властью над В, если А служит причиной определенного поведения В при условии, что без воздействия со стороны А тот вел бы себя иначе*»⁴. Иными словами, власть понимается как причинно-следственные отношения между теми, кто властвует, и теми, кто подвластен. Эти отношения возникают при наличии у А ресурсов (силы, денег, знаний, статуса) и умения использовать их во благо себе.

Такое определение власти справедливо в отношении и власти школьной учительницы над учениками, и власти монархов над своими подданными. Средства осуществления власти могут включать в себя прямое насилие, убеждение, переговоры и т. д. Главное в этом определении власти, что В подчинится А, а не взбунтуется против него, и не проигнорирует его шаги (иначе власть оборачивается фикцией). Чтобы это условие выполнялось, одного лишь насилия, как правило, недостаточно. Нужно еще, чтобы А обладал авторитетом в глазах В, и тот был бы готов согласиться с его (ее) претензиями на власть⁵.

Без такого авторитета невозможно обеспечить минимальный порядок в обществе и исключить острое (а иногда насильственное) противостояние между А и В. Механизм поддержания авторитета в политике принято называть легитимностью. Она основана или на традиции (как в рамках католической церкви, где Папа выступает для католиков главным религиозным авторитетом), или на вере в выда-

⁴ Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science, 1957, vol. 2, N3. P. 202–203 (https://fbaum.unc.edu/teaching/articles/Dahl_Power_1957.pdf).

⁵ Краткий обзор см.: Марей А. Авторитет, или подчинение без насилия. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

ющиеся личные качества политического лидера — харизму (как у некоторых политических лидеров, будь то Ленин или Гитлер), или на формализованных и неформальных «правилах игры» (конституции и законы, с одной стороны, и неписаные, но разделяемые всеми нормы, с другой).

Легитимность, основанную на сочетании формальных и неписаных, но принимаемых всеми норм, Макс Вебер называл рационально-легальной⁶. Эти «правила игры» в основном и определяют условия легитимности власти в современных обществах, включая Россию. Легитимность означает не то, что подвластные безусловно поддерживают властвующих, но то, что они готовы терпеть их власть, считая ее сохранение более приемлемым вариантом по сравнению с любыми альтернативами⁷. Однако легитимность может быть утеряна или подорвана в случае, если альтернативы начнут казаться более привлекательными, нежели статус-кво.

Доля тех, кто претендует на осуществление власти, в любом обществе невелика. Как правило, на принятие значимых решений по ключевым вопросам в каждой стране влияют относительно небольшие группы лиц. Эти группы принято называть элитой⁸ (часто выделяют политические, экономические, культурные и другие сегменты элит). Политические элиты (иногда говорят о политическом классе) можно разделить на правящие группы, находящиеся у власти, и контрэлиты, пребывающие в оппозиции. Остальная часть общества — это массы, которые, как правило, оказывают на принятие значимых решений косвенное воздействие, в той мере, в какой элиты вынуждены учитывать их мнение.

⁶ См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 644–706.

⁷ Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. P. 17–18.

⁸ Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2006.

Именно различные сегменты элит в основном ведут борьбу за получение, осуществление и удержание власти, используя для достижения этих целей различные средства, ресурсы и стратегии. Таких ключевых игроков во внутренней и международной политике принято называть акторами (с ударением на первый слог). В качестве акторов могут выступать отдельные политики, организации (политические партии и крупные корпорации), зарубежные государства (прежде всего, на международной арене, но иногда и во внутренней политике других стран).

Борьба акторов за власть, которая во многом составляет содержание политики, крайне редко представляет собой «бои без правил», когда акторы ведут борьбу на уничтожение друг друга любыми средствами в отсутствие каких бы то ни было норм. Томас Гоббс, живший во времена английской революции середины XVII века, обозначил такое состояние как «война всех против всех». Чаще всего условия этой борьбы определяются набором формальных и неформальных «правил игры», которые называют институтами. Довольно часто многие неформальные «правила игры» сильно расходятся с формальными, а то и противоречат им. Но это не отменяет главного значения институтов: они предписывают акторам определенные рамки их действий и содержат санкции за нарушения этих правил. Такое понимание институтов, пришедшее из экономической науки⁹, отличается от часто используемого в медиа обозначения тех или иных органов власти и управления в качестве «институтов».

⁹ См., в частности: North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Грейф А. Институты и путь к современной экономике (уроки средневековой торговли). — М.: Издательский дом ВШЭ, 2013; Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: АСТ, 2016.

Характер политики в различных странах в разные периоды их истории определяется конфигурациями акторов и институтов. Сочетание этих параметров обозначают понятием политический режим. Различия между политическими режимами отчасти схожи с различиями между игровыми видами спорта: в каждом из них целью игроков является победа над противниками, однако конфигурации как игроков, так и правил игры, согласно которым они стремятся достичь этой цели, довольно сильно различаются от одного вида спорта к другому. Можно сравнить, например, теннис и шахматы, обнаружив различия между ресурсами и стратегиями игроков, и санкциями за нарушение правил игры.

Конечно, политические режимы (как и виды спорта) не являются играми, правила которых раз и навсегда заданы. Они меняются со временем, как и правила, по которым проводятся спортивные соревнования. Изменения политических режимов могут быть эволюционными и плавными, а могут носить «взрывной», или революционный, характер. Продолжая сравнение со спортом, можно представить себе шахматистов, которые вместо передвижения фигур по доске стали бы дубасить друг друга по головам шахматными досками, отказавшись от игры в шахматы. Стабильность политических режимов во времени характеризует устойчивость их равновесия, которую называют консолидацией. Консолидированные режимы, как правило, не могут внезапно исчезнуть или трансформироваться сами собой, и изменение конфигурации их акторов и/или институтов, если и когда оно происходит, обычно не ведет к смене режимов.

Со времен Аристотеля политологи описывали и анализировали большое количество разных типологий политических режимов. Чтобы не обсуждать их подробно на страницах этой книги, проще всего воспользоваться самым простым разделением режимов на демократические и недемократи-

ческие (их синоним — понятие «авторитарные»). Демократический режим (или демократия), как ее понимал Йозеф Шумпетер, — это набор институтов, который предполагает, что осуществление власти происходит в результате конкурентной борьбы элит за голоса избирателей в рамках свободных и справедливых выборов¹⁰. Такое определение демократии, которое иногда обозначают как электоральную демократию, представляет собой заведомое и довольно сильное упрощение. Реальная практика современной демократии намного сложнее: как правило, она также предполагает, помимо конкурентных выборов, наличие многих других элементов.

*Конкурентные выборы — необходимое, но не достаточное условие для обеспечения демократии. Не бывает демократии без равноправной конкуренции элит на выборах. Именно здесь проходит красная линия, которая отделяет демократии от недемократических режимов. Электоральная демократия — это такой режим, где политики и партии могут терять власть в результате поражения на выборах*¹¹. Оговорка «могут терять власть» важна: не всегда власть по итогам выборов на самом деле теряется. В некоторых демократиях неудачно выступившие на выборах партии могут входить в состав правительственных коалиций на правах младших партнеров. Есть и примеры демократий, где одна партия находилась у власти десятилетиями. Так, в Японии Либерально-демократическая партия удерживала господство в течение 38 лет, но и она уступила власть после поражения на выборах.

Политическая конкуренция, составляющая основу электоральной демократии, создает основы реализации полити-

¹⁰ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995. — С. 355.

¹¹ Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 10.

ческих свобод, присущих современным развитым демократиям (их часто называют либеральными демократиями): свободы слова, свободы ассоциаций (создания политических и неполитических организаций). Политическая конкуренция важна и тем, что она вынуждает правящие группы к подотчетности своим согражданам¹²: голосование избирателей служит основным, но далеко не единственным механизмом подотчетности.

Современные политические режимы, не попадающие под определение электоральных демократий, мы будем далее называть авторитарными (или автократиями)¹³. Здесь, однако, необходимы две важные оговорки. Во-первых, в качестве синонима понятия «авторитаризм» иногда используется понятие «диктатура», противопоставляемое «демократии»¹⁴. Но в русском языке понятие «диктатура» обычно связывается с репрессиями и массовым насилием, и поэтому мы в дальнейшем постараемся к нему не обращаться. **В современном мире отнюдь не все авторитарные режимы опираются на «кнут» как на основной инструмент господства. Многие из них стремятся использовать в качестве средства поддержания лояльности своих сограждан прежде всего «пряники»** (российский политический режим, как будет показано далее, не являлся исключением).

Во-вторых, по разным причинам часть специалистов до недавнего времени была склонна называть «гибридными» те авторитарные режимы, которые не прибегают к массовым репрессиям, используя при этом в своих целях и неко-

¹² См.: Даль Р. Демократия и ее критики. — М.: РОССПЭН, 2003.

¹³ См.: Голосов Г. Автократия, или одиночество власти.

¹⁴ Достаточно вспомнить заголовки двух авторитетных научных книг: Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016; Асемоглу Д. (Аджемоглу Д.), Робинсон Дж. Экономические истоки диктатуры и демократии. 3-е изд. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.

торые институты, присущие демократиям (прежде всего это выборы из нескольких партий и кандидатов, но не только они). Некоторые из этих режимов внешне могут напоминать демократии, и их лидеры сознательно стремятся достичь такого сходства. Как следует из примера с проспавшим три десятилетия россиянином, к такого рода режимам относится и российский. Однако это внешнее сходство не должно никого обманывать: таким режимам не присуща смена власти в результате конкурентных выборов, и поэтому термин «гибридный режим» по отношению к ним избыточен: он способен лишь ввести читателей в заблуждение. Потому в этой книге он не используется.

Мир авторитарных режимов отличается большим разнообразием (ничуть не меньшим, и даже большим, нежели мир демократий). Им присущи разные конфигурации акторов и институтов («правил игры»). Ряд специалистов выделяют¹⁵ традиционные монархии (как в Саудовской Аравии), военные диктатуры (как в ряде стран Латинской Америки в 1960–1980-е годы), однопартийные режимы, в том числе и коммунистические (как в Советском Союзе и странах Восточной Европы до 1989–1991 года), и, наконец, персоналистские автократии, где власть сосредоточена в руках лидера и его окружения¹⁶.

Авторитарные режимы могут опираться на совершенно разные механизмы поддержания своей легитимности. Если для монархий характерна традиционная легитимность, то большинство автократий вынуждено искать способы обеспечения рационально-легальной легитимности. Некоторые

¹⁵ Geddes B., Wright J., Frantz E. *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

¹⁶ Хотя в современном русском языке все чаще используется гендерно нейтральное обозначение «он/она», по отношению к авторитарным лидерам принято говорить исключительно «он», поскольку в современном мире среди лидеров авторитарных режимов женщин нет.

авторитарные режимы носят «гегемонный» характер¹⁷: они не проводят выборов вообще, или (чаще) эти выборы носят фиктивный характер и представляют собой «выборы без выбора», то есть голосование без альтернатив (как в Советском Союзе до 1989 года).

В последние десятилетия все большее распространение в мире (в том числе и в постсоветских странах)¹⁸ получают авторитарные режимы, которые обозначают как электро-ральный авторитаризм. В таких режимах — их примерами могут служить Мексика с 1930-х до 1990-х годов или Египет времен правления Хосни Мубарака — институт выборов имеет вполне реальное значение, и к участию в них допускаются различные партии и кандидаты. Однако формальные и неформальные механизмы этих выборов призваны не допустить по их итогам смену власти. Высокие входные барьеры для участия нежелательных партий и кандидатов, заведомо неравный доступ участников кампаний к финансам и СМИ, систематическое использование государственного аппарата для увеличения количества голосов, поданных за правящие партии и кандидатов, наконец, злоупотребления в их пользу на всех стадиях выборов, в том числе при подсчете голосов — вот лишь некоторые элементы авторитарного «меню манипуляций»¹⁹.

Заведомо неравные «правила игры», которые призваны обеспечить победу носителей действующей власти и/или их сторонников и ставленников (их принято называть «инкум-

¹⁷ Howard M.M., Roessler P. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*, 2006, vol. 50, №2. P. 365–381.

¹⁸ Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; Way L. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2015.

¹⁹ Schedler A. Elections without Democracy: The Menu of Manipulations // *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, №2. P. 36–50.

бентами») независимо от предпочтений избирателей²⁰, в первую очередь отличают электоральный авторитаризм от электоральных демократий. «Гегемонный» авторитаризм уступает место электоральному из-за того, что правящие группы этих режимов нуждаются в проведении выборов как средстве собственной легитимации внутри страны и за ее пределами: в противном случае само существование этих режимов может оказаться под угрозой. Однако нечестные выборы — это обоюдоострое оружие, и порой они могут повлечь за собой острый кризис легитимности электоральных авторитарных режимов, о чем свидетельствуют последствия президентских выборов 2020 года в Беларуси.

Основанием электоральной демократии служит политическая конкуренция. Напротив, авторитарные режимы предполагают монополию правящих групп на осуществление власти. Точнее, им присуща скрытая конкуренция между различными сегментами правящей группы, которая не предполагает их открытой борьбы за голоса избирателей. Лидеры, стоящие во главе авторитарных режимов, стремятся монополизировать свое политическое господство (порой их называют доминирующими акторами), но на деле они не осуществляют власть единолично. Для удержания власти им приходится опираться на поддержку хотя бы части правящих групп (подчиненных акторов) и создавать формальные и неформальные «выигрышные коалиции»²¹ с их участием.

В «выигрышные коалиции» авторитарные лидеры стремятся включить наиболее значимые сегменты элит, от которых зависит устойчивость режимов. Если их состав слишком

²⁰ Levitsky S., Way L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Schedler A. *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

²¹ Bueno de Mesquita B., Smith A. *Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics*. New York: Public Affairs, 2011.

узок, то режим оказывается под угрозой внутренних конфликтов (так, многие авторитарные режимы становятся жертвами военных или государственных переворотов). Поддержание единства элит и сохранение среди них консенсуса (добровольного или навязанного) требует от авторитарных лидеров искусства маневрирования. Они вынуждены применять по отношению к элитам не только «кнут» репрессий, но и «пряник», чтобы минимизировать риски потери власти. Подчиненные акторы, которые входят в состав выигрышных коалиций, получают статус и богатство в обмен на лояльность режиму.

Риски для авторитарных режимов исходят не столько от масс, восстание которых грозит положить им конец, сколько от части элит, которые могут прибегнуть к военным путчам или дворцовым переворотам для смены власти. По данным Милана Сволика, внутриэлитные конфликты привели к краху авторитарных режимов в почти 70% случаев после Второй мировой войны²². Поскольку в условиях персоналистской автократии понятие «режим» ни фактически, ни аналитически невозможно отделить от «правлящих групп» или лидеров таких режимов, далее все эти понятия будут использоваться как взаимозаменяемые термины.

Смена политических режимов происходит вследствие изменений или конфигурации акторов, или конфигурации институтов, или (чаще всего) и того и другого одновременно. В конце XX века одной из основных тенденций мирового политического развития стал крах многих авторитарных режимов, включая коммунистические и военные. Многие из них, в особенности в Латинской Америке и Восточной Европе, перешли к демократии: этот процесс принято обозначать как

²² Svoblik M. The Politics of Authoritarian Rule. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

демократизацию²³. Эти тенденции, в свою очередь, выступали важнейшим элементом процесса модернизации — перехода различных стран к современным моделям устройства общества, предполагающим заимствование или создание базовых институтов по западному образцу²⁴. Политическая модернизация, которая лежит в основе становления демократий, — важнейшая (хотя далеко не единственная) часть этого процесса.

Однако переход к демократии отнюдь не имел всеобщий и универсальный характер. Напротив, в ряде стран мира под лозунгами демократизации произошла смена одних авторитарных режимов другими. Собственно, многие электоральные авторитарные режимы в последние десятилетия как раз и возникли там, где провалилась демократизация (Россия выступает одним из примеров такого рода).

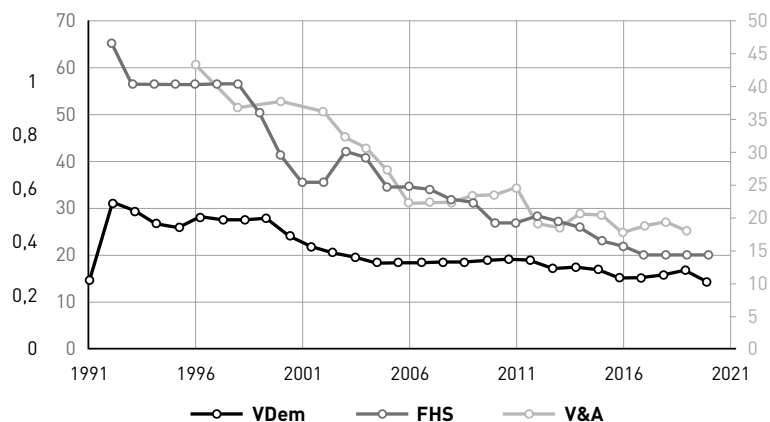
Откуда мы знаем, что политический режим в той или иной стране является демократическим или авторитарным? Конечно, если речь идет о таких странах — соседках России — как, скажем, Финляндия, с одной стороны, и Северная Корея, с другой, — то ответ кажется очевидным. Но во многих других случаях повседневного знания оказывается недостаточно, и приходится обращаться к оценкам различных международных агентств. Большинство из них прямо или косвенно используют суждения экспертов, знание которых по определению неполно и может исходить из неоправданных ожиданий, особенно в отношении текущей ситуации.

²³ Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991.

²⁴ Данное определение см.: Цаф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования, 1998, №8. — С. 18 (<http://ecsocman.hse.ru/data/341/881/1216/002.ZAF.pdf>). Подробный обзор см.: Травин Д., Маргания О. *Европейская модернизация*. В 2-х т. — М.: АСТ, Terra Fantastica, 2004. Критику см.: Заостровцев А. *Полемика о модернизации: Общая дорога или особые пути?* — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

Но на более или менее длительном временном интервале оценки экспертов меньше подвержены ошибкам, чем повседневное знание, и не слишком расходятся между собой. Для сравнения можно посмотреть на графики, демонстрирующие динамику эволюции политического режима в России по данным Всемирного банка (проект Worldwide Governance Indicators, включающий раздел Voice and Accountability), Института V-Dem Университета Гетеборга и проекта Freedom in the World, осуществляемого Freedom House.

График 1. Политический режим в России, 1991–2020, международные оценки

VDem — Electoral Democracy Index (индекс электоральной демократии института V-Dem, шкала от 0 до 1)

FHS — Freedom House total score* (интегральный индекс свобод Freedom House, шкала от 0 до 100)

V&A — WGI Voice&Accountability Index (индекс Voice and Accountability Всемирного банка, шкала от 0 до 100)

* Данные до 2003 года пересчитаны на основе соответствующих значений индексов Political rights (1–7) и Civil liberties (1–7) и приведены к 100-балльной шкале.

Источники: Freedom in the World Comparative and Historical Data: Aggregate Category and Subcategory Scores, 2003–2020 (<https://freedomhouse.org/report/freedom-world/>);

Varieties of Democracy, Country-Year: V-Dem Core dataset (<https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset/>);

Worldwide Governance Indicators full dataset (<https://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

Как видно из оценок, представленных на графиках, за три десятилетия наша страна продемонстрировала траекторию перехода к авторитаризму, который со временем лишь углубляется. Но прежде, чем обсудить вопрос о том, почему и как произошел этот переход, каковы его закономерности и механизмы, следует задаться другим, более фундаментальным вопросом. В самом деле, насколько важен политический режим для развития обществ? Имеет ли демократия значение? Насколько вообще нужны и для чего именно демократия, демократизация и связанные с ними политические свободы? Этот вопрос важен в том числе для понимания значения авторитаризма и перспектив его возможной трансформации как в России, так и в других странах. Так ли необходима для России демократизация? Возможно, нашей стране пока стоит обойтись без нее, отложив обретение согражданами политических свобод до лучших времен?

ДЕМОКРАТИЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ... НО КАКОЕ?

Дискуссии о том, в какой мере демократия полезна или вредна для общества, идут со времен античности, но вряд ли исчерпают себя в обозримом будущем. Демократия сама по себе содержит противоречие между механизмом отбора правителей и результатами их правления, которые могут быть как успешными, так и неудачными. Критики демократии справедливо указывают на то, что механизм конкурентных выборов не всегда позволяет гражданам выбрать наиболее достойных и эффективных руководителей: граждане в лучшем случае склонны выбирать себе подобных, а в худшем — готовы доверить государственное управление некомпетентным демагогам, подобным Дональду Трампу, избранному в 2016 году на пост президента США. Более

того, демократия предполагает ограниченный во времени срок правления, что не всегда позволяет проводить в жизнь политический курс, ставящий долгосрочные цели, и часто способствует проведению неэффективных мер, имеющих целью поднять шансы находящихся у власти политиков или партий в преддверии очередных выборов (логика политического бизнес-цикла)²⁵.

Весьма популярно мнение о том, что мудрый и справедливый авторитарный лидер (будь то монарх или руководитель партии) способен обеспечить своим согражданам процветание на долгие десятилетия вперед с большей вероятностью, нежели демократически избранные политики, заботящиеся прежде всего о сохранении власти «здесь и теперь», по итогам ближайших выборов. Однако в ответ защитники демократии вполне аргументированно утверждают, что оптимальное политическое устройство общества должно не обеспечить приход к власти самых лучших политиков, а предотвратить ее монополизацию худшими из них²⁶. Авторитарные режимы по определению не защищены от этих рисков: многим из них (особенно персоналистским автократиям) не присуща «защита от дурака».

Многочисленные исследования не дают оснований вынести окончательный вердикт в пользу сторонников или критиков демократии с точки зрения результатов правления. Если оценивать эти результаты в категориях темпов экономического роста (как делают многие специалисты), то их средние показатели по странам мира во второй половине XX века не слишком различались среди демократий и автократий: здесь более важную роль играли иные параметры, не связанные напрямую с характеристиками политических режимов.

²⁵ Nordhaus W.D. The Political Business Cycle // Review of Economic Studies, 1975, vol. 42, №2. P. 169–190 (<https://cowles.yale.edu/sites/default/files/files/pub/do3/do333.pdf>).

²⁶ Детальный разбор этих и других аргументов см.: Даль Р. Ук. соч.

Однако разброс показателей экономического роста среди демократий оказался куда ниже, чем среди авторитарных режимов, а долгосрочные тенденции роста в целом также оказываются в пользу демократий²⁷. В социально-экономическом плане демократии, как правило, развивались не слишком быстро, но относительно устойчиво, в то время как среди авторитарных режимов немногочисленные, но яркие «истории успеха» отмечались на фоне гораздо чаще встречавшихся неудач. Как выразился в связи с этим экономист Дани Родрик, «на каждого Ли Кван Ю в Сингапуре приходится много Мобуту в Конго-Заире»²⁸.

Среди современных автократий очень много примеров коррумпированных и неэффективных лидеров, длительное пребывание у власти которых приводит их страны к полному и порой непреодолимому упадку. Демократии же благодаря конкурентным выборам чаще склонны избавляться от таких руководителей. Среди посткоммунистических стран более успешная демократизация, как правило, сопровождалась более успешным экономическим развитием, хотя ответ на вопрос о том, что служило причиной, а что следствием, в данном случае совсем не очевиден²⁹.

²⁷ См.: Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Дискуссии ведущих экономистов о взаимосвязи между демократией и экономическим ростом — см., например: Barro R.J. Democracy and Growth // Journal of Economic Growth, 1996, vol. 1, №1. P. 1–27 (<http://faculty.nps.edu/relooney/BarroDemocracy.pdf>); Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J. Democracy Does Cause Growth // Journal of Political Economy, 2019, vol. 127, №1. P. 47–100 (<https://economics.mit.edu/files/16686>).

²⁸ Rodrik D. The Myth of Authoritarian Growth // Project Syndicate, 2010, 9 August (<http://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth>).

²⁹ Fish M.S. The Determinants of Economic Reform in the Post-Communist World // East European Politics and Societies, 1998, vol. 12, №1. P. 31–78; Bunce V. Democratization and Economic Reform // Annual Review of